

Рыдлевская Анастасия Сергеевна
магистр филологических наук,
аспирант кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Anastasia Rydlevskaya
MA in Philology, PhD Student
of the Department of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
arydlevskaya@gmail.com

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ТВОРЧЕСТВА СИЛЬВИ ЖЕРМЕН

PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC FOUNDATIONS
OF SYLVIE GERMAIN'S NOVELS

В статье представлен анализ философско-эстетических принципов современной французской писательницы Сильви Жермен. Мировоззренческую основу художественного универсума С. Жермен составляют этическая философия Э. Левинаса и религиозно-философские идеи С. Вейль. Мифопоэтика ее романов, в свою очередь, является не только проекцией мифа в литературном тексте, но и целостной художественной системой.

Ключевые слова: *мифопоэтика; Другой; мифопоэтическая модель мира, роман-миф; мифологизация; метамодернизм.*

The research presents an analysis of philosophical and aesthetic foundations of the work of Sylvie Germain – a modern French writer. The philosophical basis of the artistic universe of S. Germain relies on the ethical philosophy of E. Levinas and religious ideas of S. Weil. The mythopoetics of her novels is not only a projection of myths in a literary text, it also helps to create an integral artistic system.

Key words: mythopoetics; the Other; mythopoetic model of the world, novel-myth; mythologization; metamodernism.

Сильви Жермен (Sylvie Germain; род. в 1954 г.) – современная французская писательница, философ, автор многочисленных романов, эссе по искусству. В своих произведениях С. Жермен обращается к мифологии как к универсальному моральному фундаменту человечества, извлекая из древних мифологем сущностные паттерны коллективного бессознательного и актуализируя нравственное ядро библейских сюжетов в мире после Холокоста. Это укладывается в рамки формирующейся культурной парадигмы метамодерна (в терминологии Р. ван ден Аккера, Т. Вермюлена), которую определяет отход от тотального релятивизма постмодерна и возврат к поиску общечеловеческой истины. Наиболее востребованной жанровой моделью в творчестве С. Жермен, позволяющей ей создать оригинальную мифопоэтическую модель мира, является роман-миф. Особую значимость для литературоведения представляет мифопоэтика ее романов, которая становится не только художественной проекцией мифа в литературном тексте, но и целостной художественной системой. Творчество С. Жермен уникально и с эстетической, и с этической точек зрения. Писательница вырабатывает этическую базу своего художественного универсума на основе гармоничного синтеза идей метафизической философии Э. Левинаса, религиозных размышлений С. Вейль, христианского мистицизма.

Формирование философских взглядов автора приходится на время учебы в университете, где она посещает лекции французского философа Э. Левинаса, пишет и защищает под его руководством диссертацию. С. Жермен переводит на язык образов философские идеи Э. Левинаса, наибольшую важность из которых для автора представляют такие категории, как Я и Другой, Тотальность, Бесконечное, Лицо. Фигуре Другого и его взаимоотношениям с Я уделяется одно из ключевых мест в творчестве писательницы. Э. Левинас кардинально переосмысливает вопрос о свободе и вседозволенности Я, об ответственности перед Другим, о причинах и способах преодоления Тотальности (она, в свою очередь, рассматривается философом как уподобление иного тождественному: любого проявления иного Другого по отношению к Я). Свобода Я ограничивается экзистенцией Другого, однако Другой при этом не стесняет Я, а лишь ставит под вопрос безграничность своеволия Я. Как пишет А. В. Ямпольская: «Левинас хочет буквально любой ценой избежать гегелевской ситуации столкновения двух свобод, в которой одна стремится поглотить другую, о чем он сам явно говорит, и ради этой цели он ставит “неуспех общения” как своего рода цель» [1, с. 7–21].

Новое понимание отношений Я и Другого формируется как попытка выявить корень проблемы коммуникации между людьми, по мнению философа, всегда приводящий к насилию. Так, каждый человек отделен от других и замкнут в себе. Другой в глазах Я дегуманизируется и превращается в объект. Поэтому самым главным событием в жизни человека, по мнению Э. Левинаса, является Другой и встреча с ним, так как именно тогда Я осознает себя и наделяет смыслом свою экзистенцию. Чтобы избежать насилия, Я должен ставить Другого на первое место, ограничивая свою свободу ответственностью за свободу Другого. При этом именно ответственность Я за Другого позволяет вывести Я на трансцендентальный уровень. Так, *ответственность*, по Э. Левинасу, «это более строгое название того, что обычно именуют любовью к ближнему, милосердием <...>. Я ответственен за Другого даже тогда, когда он совершает преступление. Это сущность человеческого сознания: все люди ответственны одни за других, и Я – больше всех других <...>. Ответственность за Другого – вот призвание человека в бытии; становясь ответственным, я обретаю высшую реальность» [2, с. 231]. Факт появления Другого раскрывается философом через категорию Лица. Э. Левинас определяет этическое измерение через доступ к Лицу Другого, так как Лицо беззащитно перед насилием и в то же время Лицо – то, что запрещает убивать. Лицо – это категория этики, которая может быть выражена библейским императивом «не убий» [3]. Появление Другого в виде Лица Э. Левинас называет эпифанией, что выводит данную этическую категорию в метафизическую область, ассоциируя ее со священным явлением. Идеи философа тесно связаны с трагическими событиями XX века. По Левинасу, этическая категория Лица является необходимостью, призванной восстановить личность Другого и не допустить насилие.

Многие идеи философа становятся путеводной звездой для С. Жермен в поисках ответов на важнейшие вопросы, которые она рассматривает в рамках своего художественного универсума: природа зла и его места в мире и проблема Молчания Бога. Эти вопросы, как и философские категории Э. Левинаса, актуализируются после трагедий XX в. как попытка осознать природу тотального насилия, которое поставило под сомнение все гуманистические идеалы западноевропейской мысли того времени. С. Жермен называет XX в. «веком геноцида» [4] и в большинстве своих романов прямо или косвенно обращается к событиям мировых войн, Холокоста, Алжирской войны, особое внимание уделяя месту личности в круговороте Истории. С. Жермен интересуется феноменом зла как таковой, проблема человеческого насилия и его последствий, поэтому История у С. Жермен носит, скорее, обобщенный характер. На первый план многих своих произведений автор выносит образ Жертвы, чей опыт составляет основу повествования. Например, в дилогии «Книга ночей» («Le Livre des nuits», 1985) и «Янтарная ночь» («Nuit-d'Ambre», 1987) жизнь семи поколений семьи Пеньелей развивается на фоне непрекращающихся войн конца XIX – начала XX века. Однако войны показаны опосредованно, без исторической конкретики: они образуют единый фон насилия, так как для С. Жермен важно показать

именно человека, живущего в таком мире. Насилие наносит героям травму, причем как прямым образом, задевая непосредственных участников военных действий, так и косвенно – передаваясь от травмированного войной предка будущим поколениям, живущим в мирное время. Не только войны приносят героям страдания, но сама жизнь персонажей наполнена болью (смерть близких, расставания и др.)

Мир в универсуме С. Жермен отражает всю трагичность XX в.: в романах писательницы зло – неминуемая часть жизни всех персонажей, а пути, которые проходят герои, связаны с фигурой Другого, ее принятием или непринятием. Более того, часто сами герои-жертвы выступают в роли Другого. Абсолютным Другим и в философии Э. Левинаса, и в универсуме С. Жермен можно считать Бога. Проблема его Молчания связана с закономерным вопросом веры и возможности существования Бога в «век геноцида». Автор так формулирует эту проблему в своем религиозно-философском размышлении «Эхо тишины» («Les échos du silence», 1996): после опыта XX века невозможно согласиться с утверждением, что Бог и всеведущ, и всеблаг. Это рождает два пути развития веры:

1. Понимание, что всеблагоем Бог, должно быть, вовсе не всеведущий, раз допустил такие чудовищные трагедии (это, по мнению С. Жермен, путь, который предлагается Иову).

2. Обратное понимание, что Бог вовсе не благой, раз он всемогущий, так как все трагедии происходили либо с его молчаливого согласия, либо лично осуществлялись по его воле [4].

И первый, и второй вариант, по мнению писательницы, приводит либо к фанатичной вере вопреки логическим выводам, либо к атеизму. Однако в своих романах С. Жермен ведет героев по третьему пути, который основывается на синтезе размышлений французской религиозной мыслительницы Симоны Вейль с метафизической философией Э. Левинаса. Так, С. Вейль считала, что Бог существует лишь в форме отсутствия, а почувствовать его присутствие можно только находясь в состоянии крайних лишений. С. Жермен приводит ее слова как подкрепление собственных мыслей в эссе «Эхо тишины»: «Если человек любит Бога, думая, что тот не существует, то именно в таком случае Бог проявит свое бытие <...>. Бог может существовать в мире только в форме отсутствия» [4, р. 35] [перевод наш. – А. Р.]. Э. Левинас же, в свою очередь, считал, что экзистенция Другого оказывается фактом, обосновывающим существование Бога: Бог находится и, следовательно, существует по ту сторону сущего, а по эту сторону Он отсутствует, то есть Бог в мире «по эту сторону» есть «абсолютно Отсутствующий». Другой есть присутствие Бога в его отсутствии «по эту сторону». С проблемой Молчания Бога также связано понимание ответственности за Другого как чего-то, что наделяет Я трансцендентностью.

Писательница объединяет мысли двух философов в своем универсуме: Бог присутствует в своем отсутствии, Молчание Бога – Его высшая благодать человечеству, ведь так Он наделяет человека ответственностью, а значит, и свободой. В романах С. Жермен повествование построено таким образом,

что герои, подвергающиеся насилию и переживающие трагедии, в итоге приходят к пониманию парадоксального тезиса «Бог присутствует в своем отсутствии». Такими персонажами можно назвать Дебору и Товию из романа «Книга Товита» («*Tobie des marais*», 1989), Виктор-Фландрена Пеньеля из «Книги ночей», Шарля-Виктора Пеньеля из «Янтарной ночи» и многих других. Третья интерпретация Молчания Бога, которую предлагает автор, строится в романах по принципу апофатического богословия или негативной теологии – особого богословского метода, заключающегося в постижении Бога через понимание того, чем он не является. Так, герои приходят к принятию пустоты и смирению с молчанием, проживая именно негативный жизненный опыт: катастрофы, войны, смерти.

Свои философские и религиозные размышления С. Жермен транслирует в текстах на языке мифов и мифологем, выражая идеи в виде метафор и поэтических образов. Магистральными мифологемами универсума С. Жермен можно назвать: сюжет о борьбе Иакова с Богом, сюжет об Иове, образы Каина и Авеля, образ Богородицы и др. В этих мифологемах обнаруживается прямая связь с левинасовской этикой. Так, например, сюжетообразующей мифологемой в ранних романах Жермен («Книга ночей» и «Янтарная Ночь») является борьба с ангелом, которого автор представляет как одну из форм встречи Я и Другого по Левинасу. В романе «Дни гнева» ключевой образ Богородицы соотносится с этической категорией Лица по Левинасу. В «Книге Товии» мифологической базой, представляющей наглядный путь преодоления героем травмы через встречу с Другим, служат сюжеты из Книги Товита.

Центральное место в творчестве С. Жермен занимает образ невинной Жертвы. Универсум автора населяют дети, сироты, старики, травмированные насилием люди или герои, отличающиеся от «нормы». По Э. Левинасу, они – те Другие, ответственность Я за которых будет изначально максимальной. Следовательно, такого рода расстановка персонажей сразу выводит повествование в этическую плоскость, где рассматривается возможность преодоления насилия Я над Другим. Помимо этого, образ невинной жертвы у С. Жермен коррелирует с мифологемами Иова и Авеля – невинных жертв в мире, где существует справедливый и всемогущий Бог. Важно отметить, что ХХ в. С. Жермен называет также «веком Авеля» [4]. Так, главный герой романа «За столом с людьми» («*À la table des hommes*», 2015) Вавилон – мальчик-свинья, чудесным образом превратившийся в человека. У него нет памяти, он одинок и безроден, а в начале романа не умеет общаться с людьми. За то, что он отличается от остальных, деревенские дети решают его унижить. С. Жермен подробно описывает жестокую сцену издевательств и избиений, которым подвергается Вавилон. Примечательно, что к концу романа связь главного героя с мифологическим Авелем становится очевидной, так как Вавилон, начав поиски определения слову *Бог*, самостоятельно меняет имя на *Авель*. Такой же невинной жертвой в романе «Товий болотных земель» выступает тихая и кроткая Валентина. Ее с необъяснимой жестокостью только за способность любить унижает собственный муж Артур. В романе

«Янтарная ночь» похожим персонажем-жертвой становится близорукий мальчик-мечтатель Розелен. Главный герой Шарль-Виктор (по прозвищу Янтарная Ночь) убивает его за желание с ним дружить.

Примечательно, что автор при описании таких персонажей обращает пристальное внимание на их глаза и обязательно делает упор на встрече убийцы/насилъника с лицом жертвы. Так, например, в «Янтарной ночи» представлен момент после убийства: *Он видел их впервые, глаза Розелена. Глаза, большие не скрытые очками, не искаженные толстыми близорукими стеклами <...>. В глазах, ставших зеркалами, он заметил отражение своего собственного лица* [5, с. 265–266]. С. Жермен обращается к категории Лица по Левинасу, которая отражает этическое измерение отношений Я и Другого. Автор фиксирует внимание читателя на лице Другого, подробно описывая глаза, благодаря чему раскрывается установленная связь Я и Другого. Янтарная Ночь встретился с Другим – Лицом к Лицу с убитым им Розеленом. Только после этого он по-настоящему увидел Другого и себя: его лицо отражалось в глазах жертвы. Через взаимодействие с лицом Другого, его взглядом, писательница раскрывает этическую трансформацию персонажей, так как встреча Лицом к Лицу, как правило, приводит к осознанию Тотальности Я или же направляет Я на путь встречи с Абсолютно Иным (Богом). В приведенном романе встреча главного героя с Абсолютно Иным разворачивается и на мифологическом уровне. В главе «Ночь Ангела» автор использует матрицу библейского сюжета о борьбе Иакова с Богом. Непосредственная внешняя и внутренняя структурная схожесть с библейской историей выражена в сцене, когда Янтарная Ночь идет в лес, чтобы повеситься. В романе сюжет о борьбе Иакова с Ангелом преобразован через авторское видение, однако сохраняется основа исходного мифа, а именно: главный герой встречается неизвестного, борется с ним всю ночь и на рассвете получает освобождение. Различия кроются в деталях. Так, в Библии нам понятно, что с Иаковом борется божественная сущность, в то время как в романе возникают сомнения: противником может быть незнакомец, ангел, Бог или галлюцинация главного героя. Но для автора, в первую очередь, данный миф важен с точки зрения символического выражения борьбы Я и Другого. Важным отличием от библейского сюжета у С. Жермен становится развязка. Сцена борьбы в романе происходит в полной тишине и тот, с кем боролся всю ночь Янтарная Ночь – Огненный Ветер, победил его не ударом в бедро, а поцелуем в глаза, чем устранил все ожесточение, ярость и безумие.

Писательница обращается к библейскому сюжету не только как к идейной матрице своих романов, подчиняющей структуру произведения, но пытается реализовать на уровне поэтики сам принцип мифологического мышления. В роли нейролингвистического средства влияния на сознание реципиента выступает мифопоэтика, нацеленная на достижение более чувственного и иррационального понимания текста. В связи с этим в романах-мифах С. Жермен, как правило, присутствует ряд языковых средств (полисиндетон, параллелизм, аллитерация, ассонанс, разноуровневые повторы, рифмованная проза), благодаря которым достигается эффект изменения сознания реципи-

ента и введения его в сферу восприятия бессознательного. В особом сочетании синтаксические, лексические и фонографические повторы способны создать мифопоэтику, которая характерна для религиозных писаний, древних сакральных текстов. Например, в ранних романах «Книга ночей» и «Янтарная ночь» на фонографическом уровне писательница ритмически структурирует текст благодаря рифмам, ассонансам и аллитерациям, приближая свою прозу к поэзии. В ее произведениях часто встречаются строки с внутренней рифмой: *Le cri très muet de ses compagnons écorchés, était entré en lui et s'était imposé tel l'ennemi l'avait voulu: parfaitement barbare. Un sang sacré, d'où toute sainteté était exclue*¹ [6, p. 132].

Такие ритмизованные фразы чаще встречаются в наиболее эмоционально напряженных моментах в тексте. Так в романах-мифах на уровне поэтики подчеркивается связь с библейскими сюжетами, лежащими в их основе. Писательница часто излагает одну и ту же мысль несколькими способами, стремясь при этом выстроить фразы парами. Связи между структурными элементами разнообразные, при этом все предложения включены в общую цепь высказывания: «...*la guerre qui sans cesse faisait retour, avait coupé la parole des hommes, toute parole. La guerre, qui venait de réduire en cendres le nom, le corps, la voix, de millions et de millions d'Etres. La guerre, qui avait réduit néant l'...*»² [6, p. 17]. Такое обращение автора с мифологическим материалом можно считать закономерным современной ей эпохе, тенденцией которой является неироничное, но одновременно непатетическое обращение к универсальному и архетипическому, что можно увидеть на примере все возрастающего интереса к мифу и «великим нарративам». Мифология, с позиции метамодерна, выступает как свидетельство пользы человеческих усилий, их необходимого свершения, как вечный акт утверждения жизни и развития в противовес окружающему хаосу и симулякрам реальности. В творчестве С. Жермен обнаруживаются фундаментальные основы новой культурной парадигмы метамодерна. Для автора мифология становится способом выхода за рамки тупика эпохи в поле трансцендентного.

Таким образом, философская составляющая романов С. Жермен тесно сплетена с эстетикой произведений автора. Мировоззренческая основа романов писательницы, представляющая собой особый сплав философских идей Э. Левинаса и размышлений С. Вейль, определяет творческие принципы, которыми руководствуется С. Жермен при создании мифопоэтической модели мира. Авторская мифопоэтика становится наиболее адекватным способом передачи столь сложных и метафизических философских идей. Писательница выражает их через образный язык мифов и мифологем, одновременно транслируя свои идеи на всех уровнях текстов.

¹ 'Немой крик его растерзанных товарищей вошел в него и предстал таким, каким и был угоден врагу: совершенно варварским. Священная кровь, начисто лишенная святости' [5, с. 136].

² 'Хотя война, беспрестанно возвращавшаяся война лишила людей слова, всякого слова. Война, обратившая в пепел имя, тело, голос миллионов и миллионов существ. Война, обратившая в ничто душу стольких людей, царя во времена убийц' [5, с. 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ямпольская, А. В. Ранний Левинас: проблемы времени и субъективности / А. В. Ямпольская. – М. : МГУП, 2002. – С. 7–22.
2. Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас ; пер. И. С. Вдовиной. – СПб. : Университетская книга, 2000. – 416 с.
3. Parapone, M. J. An aesthetic of ethics: Sylvie Germain's Levinasian allegory of modernity / M. J. Parapone. – Univ. of Georgia, 2009. – 111 p.
4. Germain, S. Les échos du silence / S. Germain. – Paris : Albin Michel, 1996. – 109 p.
5. Жермен, С. Янтарная Ночь / С. Жермен ; пер. Л. Н. Ефимов. – М. : Амфора, 2003. – 389 с.
6. Germain, S. Nuit-d'Ambre / S. Germain. – Paris : Folio, 1987. – 429 p.

Поступила в редакцию 18.11.2021